

Д. БЫСТРОЛЕТОВ

Рисунки автора

ХУЖЕ МУХИ ЦЕЦЕ

О Ч Е Р К П Я Т Ы Й

УТРО. Высокий конголезец сел на камень, поудобнее поставил между ног большой деревянный барабан, наклонил голову и закрыл глаза. Потом вдруг ударил колотушками, и в тяжелый, мокрый воздух посыпался каскад звуков — мелкая дробь и сильные, протяжные удары. Казалось, что музыкант исполняет звуковое сопровождение к ритмическому танцу.

Вдруг барабанщик смолк и поднял голову. Издали через лесные дебри донеслась ответная россыпь звуков.

— Ну? — спросил ван Эгмонт, голландский художник, решивший отправиться в леса восточного Конго во главе маленькой экспедиции.

— Он все понял. Передаст в деревню. Можно выходить, начальник!

Это был гуду-гудист. На барабанах африканцы передают все новости из поселка в поселок. Промежуточные посты расставлены на нужных расстояниях, и барабанный язык гуду-гуду, тайна которого известна немногим туземцам, соединяет здесь людей наподобие нашего телефона. Замечательное, чисто африканское изобретение!

БЕЗРУКИЙ СТАРИК

Ван Эгмонт дал знак. Люди выстроились, взвалили тюки на голову. Впереди — капрал Мулай с винтовкой в руках и компасом на груди. Свисток — и люди один за другим исчезают в сумраке леса.

Первая ночь в лесу. Первые костры. Первый часовой. Далекое завывание и рычание: экспедиция еще не в джунглях, нет; в ночной тишине слышится переливчатая дробь и гулкие удары.

Продолжение. См. «Азия и Африка сегодня» №№ 3—6 за 1963 год.

— Гуду-гуду!

— Слышишь, ты: гуду-гуду!

И носильщики с улыбкой прислушиваются: эти сигналы связывают их с людьми и с жизнью. Какие милые звуки!

Утром проснулись в сером тумане. Кругом капало и журчало. Все тело болело, как после побоев. Температура $+23^{\circ}$, но казалось очень холодно. Глоток крепкого чая показался блаженством...

Чонгавиль — просто деревушка, окруженная или, лучше сказать, раздавленная, лесом. Издали слышались нечеловеческие вопли: раз... два... еще раз, но тише... Ван Эгмонт приказал ускорить шаг, всем хотелось поесть горячей пищи среди людей. Дорога была неплохая, и вот носильщики пустились рысью. Караван почти подбежал к первой хижине. Но что это? Она оказалась пустой. Вторая — тоже. И третья. Среди кустов художник увидел группу черных жандармов. Носильщики сбросили тюки, и капрал начал организовывать отдых, а ван Эгмонт подошел к жандармам, чтобы узнать, куда девались жители и где можно поскорее купить провиант: кур, дичь, просо, бананы.

— Кто старший? — внушительно процедил он из-под шлема, заложив руки за ремень.

— Капрал Касонжи к вашим услугам, мусью.

Высокий конголезец с шоколадным лицом, украшенным рядами нарезок на коже, вытянулся в струнку.

— Где жители?

— Бегать, мусью.

— Что? Не понимаю!

— Они бегать лес. Там! — Капрал указал на угрюмо насупившуюся стену джунглей.

Ван Эгмонт задержал горящую спичку в руке, посмотрел на лес, закурил.

— Ничего не понимаю. В чем дело?

— Они прятать. Вся деревня.

— Почему?

— Ходить каучук лес нет-нет. Собирать мало-мало.

— Почему?

— Говорить: каучук хуже цеце. Мужчины, женщины, дети — все умирать.

— А причем здесь женщины и дети?

— Собирать надо много-много. Женщина вязать ребенок на спине, ходить-ходить, ночь на болото дышать трудно-трудно, воздух—яд, х-х-х, х-х-х, х-х-х, утром ребенок умирать. Каучук хуже цеце, они говорить...

Художник не знал, что предпринять, но кормить-то носильщиков надо...

Тут только он заметил то, вокруг чего топтались стражники.

Это был глубокий старик. Он был брошен на спину, ноги привязаны лианами к колышкам. Его обе руки когда-то были отняты по локоть, так что привязать эти тощие культяпки оказалось трудным, и лианы были намотаны вокруг шеи. Живот истерзан ударами, брюшная стенка лопнула, и внутренности над пупком вывалились наружу. Это произошло несколько минут назад, крики старика экспедиция еще слышала. Но теперь старик был мертв, и сотни муравьев уже облепили рану. Тут же валялись окровавленные обрывки сучковатых лиан.

БЕЛЬГИЙСКИЙ КАПРАЛ МЫЛ НОГИ

В первый раз в жизни с флегматичным голландцем случилось невероятное: он потерял самообладание. Приступ ярости налетел внезапно: художник вдруг зарычал и схватил капрала за горло. Тот не сопротивлялся и повис в сильных руках, как мешок, и эта вбитая в черного слугу безответность мгновенно привела художника в себя. Он швырнул капрала наземь.

— Господин капрал Богарт на река! — лежа на земле, проговорил капрал Касонжи и указал куда-то пальцем.— Господин капрал Богарт мыть ноги!

Добежав до ручья, ван Эгмонт спрыгнул к воде.

— Чего вы болтаетесь здесь, капрал, когда там творятся такие безобразия?

— Они подожгли деревню, майн геер? Вот дурачье! Я же говорил...

Молодой и храбрый капрал-бельгиец с милосивым румяным лицом мгновенно натянул сапоги и рысью пустился прямо через кусты. Но после десяти прыжков он остановился и вопросительно обернулся к художнику.

— Деревня цела, майн геер. Вы напрасно...

Тот схватил капрала за шиворот и ткнул носом вперед, к распластанному на земле трупу, у которого сплошь покрытому мухами, муравьями и какими-то мелкими зелеными жучками. Стражники отошли в сторону. Капрал Касонжи вытянул руки по швам.

— Ну? — заревел ван Эгмонт. — Ну?

— Вы насчет старика? Ты, Касонжи, что ты здесь настряпал?

— Я давать урок, мой капрал.

— Э-э, дурачина, — Богарт развел руками и повернулся к художнику.— Вот видите, майн геер, условия... Так нам приходится мучиться здесь с этими скотами... Я распорядился дать жителям маленький урок и отлучился к реке... Сполоснуть ноги... А он, видите, как накуралесил... Болван!

Богарт строго посмотрел на своего помощника.

— Откуда этот старик?

— Там сидеть, мой капрал.

Богарт с чувством и не спеша закурил толстую сигару. Он уже успел оценить костюм и манеры незнакомого белого и группу носильщиков под его командой.

— Видите, майн геер, жители этой деревни — сброд, переселенный с одной плантации... Работают из рук вон плохо. Нормы систематически не выполняются. Хозяин давно жаловался господину капитану Андрианссенсу, и последний распорядился при обходе района преподать им маленький урок порядочного отношения к своим обязанностям.

— И это называется маленький урок?

Капрал отвел в сторону нежно-голубые глазки и вежливо ответил:

— Вы же сами видели, что меня здесь не было. Я лично тут ни при чем. Виновный будет наказан, поверьте. Я с него самого шкуру спущу. Не сомневайтесь, прошу вас. Но порядок должен быть. Если с африканцев ничего не требовать, то они немедленно перестанут работать. Выгоните меня с работы — тысячу раз пожалею, у нас достать работу трудно; а конголезец только и мечтает, как бы уклониться от выполнения нормы, — он живет за счет природы, ему ни мы, ни наша работа не нужны.

Отвернувшись для того, чтобы сбросить пепел, упавший на рукав, Богарт глазами дал знак жандармам, и они ринулись к трупу, выдернули колышки и проворно потащили труп за угол ближайшей хижины. Остался только широкий кровавый след да связки окровавленных лиан.

— Скоты, что с них спросишь! — примирительно журчал Богарт. — Вы уж учтите эти обстоятельства, майн геер.

— А почему старик без рук, как вы думаете?

— Откуда мне знать. На охоте попал в лапы зверей, наверное.

— Нет, я говорить, я знать! — шагнул вперед черный капрал и опять вытянулся. — Ему солдаты резать руки за налог. Он не платить налог.

— Что ты мелешь, верблюд?

— Да. Это раньше быть. Я знать. Король Леопольд...

— Заткнись, идиот! Пошел вон, черная собака!

Капрал Касонжи шагнул назад и вытянул руки по швам, капрал Богарт заслонил его спиной и весьма мирно объяснил:

— Такие наказания у нас в Конго давно отменены, майн геер. Лег пятьдесят назад. Не сомневайтесь, прошу вас: ведь ему отрубили руки, когда он был еще мальчишкой. Этот старый обрезок не сдох давным-давно только потому, что конголезцы чтят таких... м-м-м... как бы это сказать... потерпевших и кормят их сообща. Когда мы подходили к деревне, жители уже получили извещение по гудугуду и заранее скрылись. Старик остался, надеясь на свои обрубки. А этот дуралей добил его, как не имеющего практической ценности: на сбор каучука безрукого не пошлешь, да и стар он очень. Касонжи хотел погубить: ведь вся банда сидит рядом в кустах, они нас видят и слышат. Устроил им такой концерт, скот. Словом, глупый случай. Недоразумение. «Услужливый дурак опаснее врага», как говорится в басне. Будете в Леопольдвиле — не вспомните про этот прискорбный инцидент, майн геер. Я только мыл ноги!

На охоту ушел остаток дня: ван Эгмонт запретил ловить спрятавшихся в кустах кур. Ночевали опять на широкой тропе, разбившись на три группы с тремя котрами. Ночью сильный вой и рычанье зверей где-то совсем близко. Непрерывная капель. Москиты, клещи, пиявки. На рассвете холод и серый туман. Страшная разбитость.

Дорога заметно сузилась; теперь носильщики спотыкались в полутьме среди густой зелени, закрывавшей ноги. Духота стояла невероятная, все истекали потом. Это было похоже на путешествие сквозь горячие ассенизационные трубы.

Но ван Эгмонт появился тут по своей воле и не раскаивался в этом ни на минуту. Он шел твердо, ничего не замечая вокруг. В голове его шла напряженная умственная работа. Казалось, что еще одно усилие мысли — и ему откроется что-то очень важное, быть может, самое важное из всего того, до чего он додумался в течение всей своей жизни. Отдельные образы и фразы, виденные и слышанные им за последние дни и вытесненные затем из сознания потоком новых впечатлений, теперь медленно всплывали в памяти и тяжело и трудно осваивались перегретой головой. Временами красный туман застилал глаза, и художник шатался и цеплялся руками за сучья и мокрую зелень, но автоматически шагал все вперед и вперед и напряженно шептал себе сухими от внутреннего жара губами:

— Зачем столько месяцев я повторял себе слова: «французы», «бельгийцы», «англичане»... Сколько добрых и честных людей среди французов, бельгийцев и англичан!.. Весь народ, каждая нация... Колонизаторы — ничтожная кучка в массе народа. И все они объединены в международную банду, имя которой — колониализм. Причем здесь национальность? Я ненавижу только колониализм! Не французов или бельгийцев, а колонизаторов... Вся система. Нечего уклоняться и прятать голову в пекло, как трусливый страус... Хотя и противно мне гордиться, которая была для меня знаменем и белыми одеждами, не запятанными грязью жизни, эта аполитичность — идиотизм. Моя аполитичность — преступление.

— Стой! — оглушительно гаркнул капрал Мулай и свистком вызвал ван Эгмонта к себе.

Перед путешественниками высился огромный древесный шатер — величественный зеленый храм, с куполом высоким, как у наших соборов, и тонущим в неясной дымке: высоко-высоко сплелись кроны гигантских деревьев. Люди стояли под ними, как жалкие карлики, — грязные, безмерно уставшие.

— В чем дело? — задохнулся художник, обеими руками вытирая с лица ручьи пота.

— Вот! — жестко крикнул Мулай.

В липкой зловонной жиже лежала навзничь молодая женщина. Она умирала: грудь редко и судорожно вздымалась, глаза были полузакрыты, на губах пузырилась розовая пена. Рядом копошился годовалый ребенок и сосал материнскую грудь. Его маленькие пальцы скользили, он беспрерывно ронял сосок в грязь, ворчал, плевался и чмокал опять. Рядом торчала корзина с полосами сырого каучука.

Ван Эгмонт присел к умирающей, механически стал считать удары сердца. К чему? Носильщики сняли тюки и кое-как пристроили их на пригнутых ветвях папоротника.

— Пусть этот долговязый, вон тот, который идет за тобой, Мулай, отнесет ребенка в деревню.

— Туда-сюда, ночь приходит.

— Я понимаю, Мулай. Мы теряем время. Но я не могу бросить ребенка. Выполняй приказ! Ну!

Художник опустил безжизненную руку, и она звучно шлепнулась в грязь. Это был единственный звук. Лес замер, люди стихли. Только плевался и чмокал ребенок. Насупившись, все молча ждали.

Капрал вынул ребенка из грязи, завернул его в мягкое кружево папоротниковых листьев и подал долговязому.

— В деревня нет люди. Это есть напрасно.

— Люди вернутся и найдут ребенка!

Потянулись томительные часы ожидания. Носильщики сели в грязь и, не отрываясь, смотрели на умирающую.

— Раздай пищу из неприкосновенного запаса, капрал. Здесь охотиться негде, и патроны надо экономить не меньше, чем пищу. Корми людей!

Молча все жевали молочно-мясной порошок. Потом вдруг один сказал что-то, и тихий говор пошел по цепи понуро сгорбившихся людей.

— Что это они?

— Гуду-гуду нет. Мы есть одни.

Ван Эгмонт прислушался. Действительно, дробь гуду-гуду, слабо слышавшаяся сегодня утром, теперь смолкла. Они оторвались от обжитых мест.

Вот он, передний край.

— Он не вернется? Убежал от нас? — шепотом спросил ван Эгмонт капрала. — Уже прошло три часа!

— Куда? В Чонгавиль — отряд, в Мбона — концессия. Он вернется.

Они сидели в грязи. Женщина стала очень плоской, труп погрузился в жижу и исчез в ней. Но все, не отрываясь, смотрели в одну эту точку да на покосившуюся корзину и грязные листы латекса в ней.

— Каучук хуже цеце... Да. И эта корзина над трупом — страшный символ... нашей культурной тирании в Конго.

(Окончание следует)